

Готфрид Вагнер о Рихарде Вагнере, антисемитизме и Байройте

Окно в Европу (прил. к газ. Мариинский театр). - 1995. - № 8-9. - С. 14.

— Из всех потомков Рихарда Вагнера вы наверняка единственный, который выражает свои мысли наиболее радикальным образом, когда речь идет об истории и участи байройтских празднеств и об антисемитизме Вагнера.

— Рихард Вагнер принадлежит к числу агрессивнейших и влиятельнейших антисемитов Германии. Для меня вне всякого сомнения то, что начиная со статьи "Еврейство в музыке" (1850), он оказывал существенное влияние на духовно-культурный климат Германии. Посему я сознательно выступаю за дегероизацию и демифологизацию Рихарда Вагнера. Выявление дурных и опасных сторон его личности есть предпосылка нового к нему подхода.

— Не пытались ли это сделать в Байройте?

— Байройтские празднества изначально имели тоталитарные художественные притязания; во времена Ново-Байройта и в эру после кончины Виланда Вагнера здесь ничто не изменилось. В Байройте вымарывается все, что не входит в собственное искаженное представление об истории. Антисемитизм Вагнера прихорашивается невыносимым образом — в конце концов тем самым оправдывается и холокост. Для меня совершенно ясно, что заключительный параграф из статьи "Познать самого себя", где Рихард Вагнер мечтательно говорит о Германии, свободной от евреев, ставит Байройт в одну линию с Треблинкой и Освенцимом. Если культурная политика Байройта строится на подавлении, искажении и замалчивании, то я нахожусь по отношению к ней в весьма энергичной оппозиции.

— Насколько отличаются ваши взгляды от концепции Хартмута Зелинского?

— Зелинский требует, чтобы Вагнера не исполняли вообще. Я ни в коей мере не захожу так далеко. В "Тристане и Изольде" я не усматриваю антисемитизма. "Тристан" вслекопелен, вневременен, его можно интерпретировать вновь и вновь. И это делает мою позицию в отношении Рихарда Вагнера столь болезненной: его любил как невероятное, невысказанное музыкально-театральное дарование! Но в своей мании величия, в утверждении своего искусства как мировой религии он остается отрицательным гением.

— Вызвано ли все это самим Рихардом Вагнером, хотел ли он того?

— Разумеется! Прочтите все поздние опысы до 1881 года, исполненные шовинизма, национализма, расизма. Прочитайте его антисемитские опысы, начиная с "Еврейство в музыке", где он среди прочего как расист осознанно дискриминирует Мендельсона-Бартольди и Мейербергера. Сдерживающим моментом у Вагнера является то, что он всегда говорит неопределенно. Но если собрать воедино все тексты, возникнет противное, совершенно ядови-

то варово.
— Как следует сегодня обходиться с Вагнером?

— Рихарда Вагнера можно будет спасти лишь тогда, когда он будет — в том числе и в Байройте — низведен со своего поста и включен в плюралистическое пространство культуры наряду с прочими гигантами. Само собой, это связано с радикальной отменой давно отвергших, окаменевших структур в Байройте. Празднества в том виде, как они есть, с их до idiotизма доходящим повторением сериала от "Летучего голландца" до "Парсифаля", для меня не только мертвы, но и совершенно никчемны. Своей анахронической, квази-либеральной направленностью они препятствуют созданию свободного, разностороннего мультикультурного климата и посему как очевидно роковой культурно-политический институт должны занять свое место в чулане немецкой истории!

— Что же конкретно вы предлагаете?

— Во первых, на байройтской сцене должны исполняться все сочинения Рихарда Вагнера, не только ранние оперы ("Запрет любви", "Фен", "Риенци"), но и симфонии, камерная музыка, песни и т.д. Во-вторых, все значительные творцы, оказавшие влияние на Вагнера, должны быть представлены в сочетании с его соответствующими описаниями: к примеру, "Риенци" — "Гугеноты", "Парсифаль" — "Реформационная симфония" Мендельсона. В этом случае можно будет показать, как Вагнер попросту сметал своих конкурентов с пути, с какой грубостью он проталкивал, так сказать, собственную продукцию на рынок. Помимо этого, важным было бы сопоставление с искусством и творцами за пределами музыки, постольку, поскольку они были важны для Вагнера: Вагнер и Шекспир, Вагнер и греческая трагедия и т.п. — такие гемы могли бы найти спрос благодаря выступлениям авангардистских актерских трупп. Тем самым значение Вагнера не будет преуменьшено — напротив: он при этом даже выиграет! И в-третьих, все это должно быть представлено в пространстве современной живописи, литературы, музыки, киноискусства, которые также затрагивают актуальные и весомые темы, заданные еще Рихардом Вагнером — к примеру, злоупотребление властью или обхождение с вагнеровским антисемитизмом в Байройте. Коленопреклонения, совершенного некогда Вилли Брандтом в Варшаве, я жду и от Байройтских празднеств — в форме соответствующей культурной программы.

— Возможно ли это реализовать на практике?

— Ну конечно. Маркетинг Байройта еще совершенно не открыт. То, что происходит ныне в Байройте, не имеет ничего общего и с современным менеджментом, ни с творческой независимостью, ибо репертуар и состав участников в конце концов

определяются крупными международными агентствами. Там устанавливается иерархия ценностей на вагнеровской и оперной биржах и решается, кто и где может быть введен наилучшим образом. При Виланде Вагнере это было немислимо!

— Но то были иные времена...

— Столь колоссальная фабрика, как современный коммерческий Байройт, могла бы сама определять события на рынке, а не давать лишь повод для руководства собою. Поскольку я давно и хорошо знаком с театральной и культурной сферами, и сверх того обладаю экономическим образованием, я точно знаю, о чем говорю. Опера — наиболее общественный из всех видов искусства: она в особой степени зависима от экономики. У оперы зачастую довольно обывательская невежественная публика — особенно это заметно на международных ее сборищах, подобных Байройте. Если бы празднества стали такими, какими их хотел изначально видеть Рихард Вагнер, то подобная публика, естественно, здесь больше бы не появлялась.

— Но уже хотя бы поэтому данная концепция никогда не осуществится...

— Может, и так, но я имею право на отстаивание собственной позиции. Основной вопрос здесь: какой театр мы собственно творим? Нужно ли нам последнее слово техники, все эти лазерные забавы ценою в миллионы марок? Не лучше ли попытаться создать театр бедный, но творчески продуктивный? Быть может, тогда снова выявится живительная грань театра, в том числе и со стороны публики. И наконец, следует задаться вопросом: не лучше ли на пару лет закрыть фестиваль вообще, дабы выключить его из международного культурного обихода, который по большей части есть не что иное, как преисполненная фальши индустрия развлечений — вспомните Зубина Мету, который прошлым летом, прилетев на вертолете со сплэкновом, исполнил и записал "Реквием" Моцарта в разрушенном концертном зале Сараяво? Ну не извращение ли это?

— Но можно ли вообще противостоять рыночным механизмам? Не утопия ли ваши рассуждения?

— Именно в этом направлении хотят раскручивать пружину и в Байройте. Мою критику пытаются свести к конфликту отца и сына и тем самым исказить. Слово "утопия" используется определенными кругами тогда, когда пытаются смешивать друг с другом частное и общественное. Но не об этом ведь речь. Дело идет о сущностном противостоянии в сфере культурно-политической. Между моим постижением того, что следует делать в Байройте, и тем, что на практике существует, простираются миры. Кто внимательно прочтет "Этапы жизни" моего отца, обнаружит, что концепции Байройта вообще больше не существует, но вместо того — одна лишь вы-

холенная концепция оперно-биржевого маркетинга. Вагнер хорошо продается, пусть даже с известным идеалистическим жеманством Байройта, мяншего себя чем-то особенным: тот, кто дирижирует в Байройте, продается сотни тысяч раз на других рынках. Я называю это Байройт — Connection. Почему после моей поездки в Израиль в 1990 году, где я выступил с рядом критических докладов, мне должны были отказать от дома?

— Почему вы говорите "должны были", если имеете в виду собственное отца?

— Ни в коем случае я не имею в виду только лишь отца, но всю эту армию паломников в Байройт, немецкий истеблишмент и консервативное бюргерство... Уже более двух десятилетий я занимаюсь историей немецко-еврейских отношений, и поездка в Израиль стала поворотным пунктом в моей жизни, привела к созданию группы "Пост-холокост". Она являет собою открытое противостояние искажению и замалчиванию темных глав немецкой истории.

— Чувствуете ли вы себя преследуемым?

— Это абсурдный вопрос. Я нисколько не жертва. Напротив — у меня весьма насыщенная жизнь, ибо благодаря интересу к еврейской истории, я побывал на четырех континентах, я мыслю и чувствую как космополит, посему и Байройт, естественно, видится мне лишь как маленькая точка на глобусе.

— Когда слышишь от вас нечто подобное, возникает вопрос: хотите ли вы встать во главе фестиваля?

— Для того, кто подобно мне, выказывает интерес к открытому обмену мнениями и культурному плюрализму, естественно, существует опасность не сделать традиционную карьеру и в один прекрасный день оказаться в пустыне. Но лично для меня семинар в пустыне Негев, в Университете имени Бен Гуриона нынешней осенью намного важнее, нежели собственные инсценировки Вагнера или борьба за кресло руководителя фестиваля.

— Где вы чувствуете себя как дома?

— Лишь там, где встречаю людей, готовых к диалогу и способных к восприятию чужих воззрений... В Германии я ощущаю себя чужаком. Это уже более не моя страна, но я отнюдь не вкладываю в это трагического смысла. В моей жизни существует альтернатива сему. Вернуться в Германию, заняться театром для меня станет возможным лишь тогда, когда я смогу увязать это с моей деятельностью в группе "Пост-холокост", с моей частной жизнью и прочими международными сферами приложения моих усилий.

Моника Беер (Opernwelt)

Перевод с немецкого Марины ГАЛУШКО